

Державин

К столетию со дня смерти

Оригинал здесь: **О стихах и поэтах.**

8 июля 1816 года умер Державин. Если бы ныне, в сотую годовщину смерти своей, он воскрес и явился среди нас, -- как бы он рассердился, этот ворчливый и беспокойный старик, на книгах своих писавший просто, без имени: "Сочинения Державина", ибо судил так, что

Един есть Бог, един Державин!

Как бы он разворчался, как гневно бы запахнул халат свой, как нахлобучил бы колпак на лысое темя, видя, во что превратилась его слава, -- слава, купленная годами трудов, хлопот, неурядиц, подчас унижений -- и божественного, поэтического парения. С какой досадой и горечью он, этот российский Анакреон, "в мороз, у камелька" воспевавший Пламиду, Всемилу, Милену, Хлою, -- мог бы сказать словами другого, позднейшего поэта:

И что за счастье, что когда-то
Укажет ритор бородатой
В тебе для школьников урок!..

На школьной скамье все мы учим наизусть "Бога" или "Фелицу", -- учим, кажется, для того только, чтобы раз навсегда отделаться от Державина и больше уже к нему добровольно не возвращаться. Нас заставляют раз навсегда запомнить, что творения певца Фелицы -- классический пример русского *лже*-классицизма, то есть чего-то по существу ложного, недолжного и неправого, чего-то такого, что, слава Богу, кончилось, истлело, стало "историей" -- и к чему никто уже не вернется. Тут есть великая несправедливость. Назвали: лже-классицизм -- и точно придавили могильным камнем, из-под которого и не встанешь. Меж тем в поэзии Державина бьется и пенится родник творчества, глубоко волнующего, напряженного и живого, то есть как раз не ложного. Поэзия Державина спаяна с жизнью прочнейшими узами.

XVIII век, особенно его Петровское начало и Екатерининское завершение, был в России веком созидательным и победным. Державин был одним из сподвижников Екатерины не только в насаждении просвещения, но и в области устройства государственного. Во дни Екатерины эти две области были связаны между собою теснее, чем когда бы то ни было. Всякая культурная деятельность, в том числе поэтическая, являлась *прямым* участием в созидании государства. Необходимо было не только вылепить внешние формы России, но и вдохнуть в них живой дух культуры. Державин-поэт был таким же непосредственным строителем России, как и Державин-администратор. Поэтому можно сказать, что его стихи суть вовсе не *документ* эпохи, не отражение ее, а некая реальная часть ее содержания; не время Державина *отразилось* в его стихах, а сами они, в числе иных факторов, создали это время. В те дни победные пушки согласно перекликались с победными стихами. Державин был мирным бойцом, Суворов -- военным. Делали они одно, общее дело, иногда, впрочем, меняясь оружием. Вряд ли многим известно, что не только Державин Суворову, но и Суворов Державину посвящал стихи. Зато и Державин в свое время воевал с Пугачевым. И пожалуй, разница между победами одного и творческими достижениями другого -- меньше, чем кажется с первого взгляда.

И в напряженности их труда есть общее. Памятуя, что "победителей не судят", Суворов побеждал где мог и когда мог. То как администратор, то как поэт Державин работал не покладая рук. "Прекрасное" было одним из его орудий, -- и не льстивый придворный, а высокий поэт щедрой рукой разбрасывал алмазы прекрасного, мало заботясь о поводах своей щедрости. Он знал, что прекрасное всегда таким и останется. Его вдохновение воспламенялось от малой искры:

Пусты дома, пусты рощи,
Пустота у нас в сердцах.
Как среди глубокой ночи,